

XXXVII г.

№ 42

Выданъ 21-го октября 1906 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVII

1906

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и К. М. Станюковича, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложаній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій К. М. Станюковича“ книга 8.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1906 г. Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

остальные 30 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. Салтыкова-Щедрина

и первыя 10 книгъ полн. собр. сочиненій

К. М. Станюковича.

Безъ достав-ки въ Петер-бургъ

6 р. 50 к.

Безъ доставки въ МОСКВУ въ конторѣ Н. И. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи.

7 р. 25 к.

Безъ доставки въ ОДЕССУ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Ришельевская, 12.

7 р. 50 к.

Съ достав-кою въ Пе-тербургъ

7 р. 50 к.

Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи.

8 р.

За гра-ницу. 12 р.

На Нѣмецкой слободѣ.

(Квиринъ Кульманъ).

1689.

Историческая повѣсть

А. Осипова.

(Продолженіе).

Карбонарій отступилъ на три шага и, коснувшись перомъ своей шляпы пола, низко поклонился князю, который вдругъ, къ крайнему изумленію доктора, заговорилъ съ нимъ на латинскомъ языкѣ.

— Этотъ языкъ будетъ вамъ особенно пріятенъ, — сказалъ онъ: — такъ какъ для всѣхъ людей науки онъ является какъ бы роднымъ.

Карбонарій отвѣтилъ благодарностью.

— Я позволю себѣ, — сказалъ онъ, доставая письмо: — предложить вашему сіятельству отъ рейхсканцлера графа Кенигзегга...

Голицынъ взялъ письмо и, не читая его, замѣтилъ:

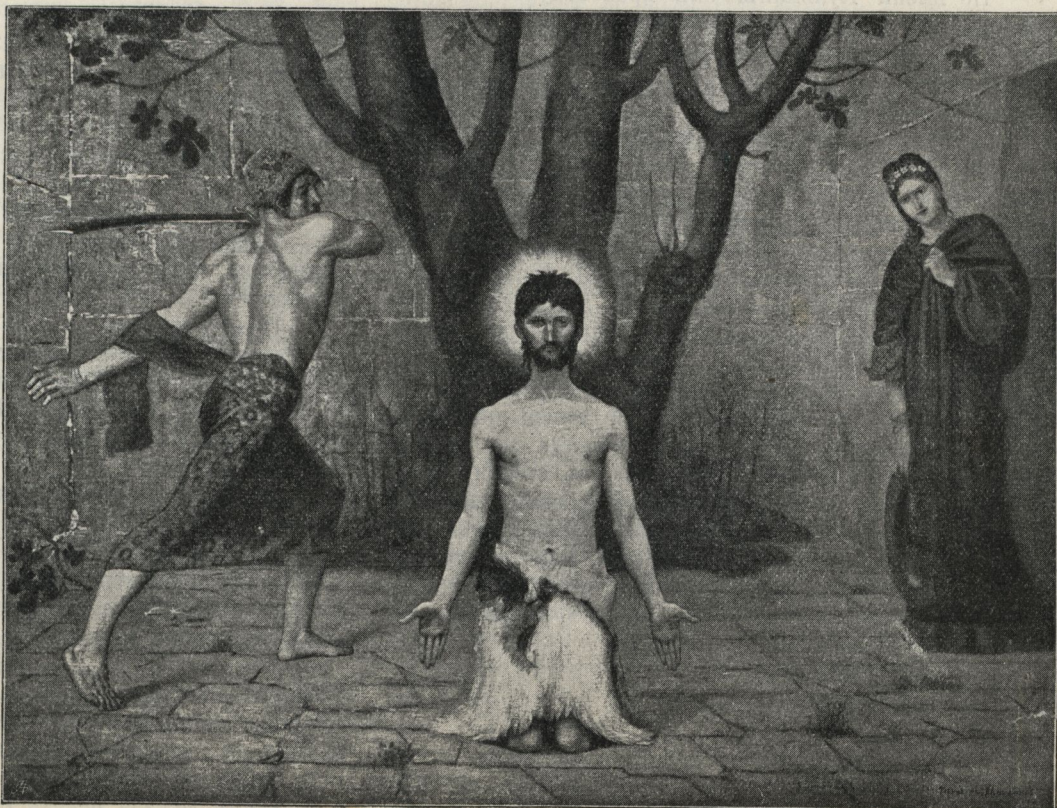
— Впередъ знаю, что, кромѣ лестнаго, оно ничего въ себѣ заключать не можетъ.

— Вы слишкомъ милостивы, ваше сіятельство!

— Я только справедливъ.

И, перейдя съ латинскаго языка на русскій, Голицынъ продолжалъ:

— Врачу предстоитъ работа немалая, такъ какъ бо-лѣзни въ нашемъ царствѣ не прекращаются!

Ускновеніе главы Іоанна Предтечи. Картина П. Пювись-де-Шавана, авт. «Нивы».

— Все это можно будетъ сдѣлать, я постараюсь, но—увы!—наука чудесъ творить не можетъ!

Голицынъ задумался, и какая-то тѣнь легла на его красивое лицо.

— Наука, — повторилъ онъ: — я былъ бы счастливъ, если бы могъ заниматься только ею. Нѣтъ времени!..

— У васъ государственныя дѣла!

— Да, но я читаю, насколько хватаетъ возможности.

И Голицынъ повелъ Карбонарія въ свою библіотеку, но тамъ было немного книгъ, и всѣ онѣ, за рѣдкимъ исключеніемъ, касались богословія или философіи.

— Вотъ, — сказалъ онъ: — зѣло важная книга, названіе коей: „О святой мудрости еже избавляетъ и спасаетъ держащихся ея“. А вотъ эта, печатная: „Слово благодарное Господу Богу за Его великую милость, яко благоволилъ чудеснымъ Своимъ Промысломъ Церковь Свою Святую отъ тѣхъ отступниковъ и злыхъ навѣтчиковъ въ лѣто 7190 іюля въ 5-й день“. Вотъ свѣтскія книги уже пошли: „О гражданскомъ житіи или о направленіи всѣхъ дѣлъ, яже надлежитъ обще народу“. Тутъ историческая: „Тестаментъ или Заветъ Василия Царя Греческаго сыну его Льву Философу...“ На этой полкѣ разныя книги собраны. Тутъ и уставы воинскіе галанскія земли, исторія Лазаря... и многія другія! Книга на нѣмецкомъ языкѣ: „Всякимъ рыбаць, и звѣрямъ, и птицамъ описаніе“. Ужъ если читать, такъ лучше всего богословскія сочиненія! — продолжалъ князь.

— Ваше сіятельство *интересуетесь* сими вопросами? — спросилъ врачъ.

Иностранное слово, произнесенное Карбонаріемъ, удивило Голицына.

— Какъ? — переспросилъ онъ.

— Любопытство къ нимъ имѣете?

— Да!

— Въ настоящее время на Нѣмецкой слободѣ обрѣтается одинъ человѣкъ зѣло ученый и великій, видимо, богословъ...

— Католикъ?

— Увы, нѣтъ! — протестантъ!

— Кто такой?

— По имени Кульманъ, онъ проповѣдуетъ много и зѣло волнуетъ своихъ слушателей близкой кончиной міра и общей гибели всего царства.

— Какого?

— Московскаго.

— Никогда московское государство, — заговорилъ онъ: — не стояло такъ высоко, какъ теперь! Правительница Софья Алексѣевна хочетъ повести его новой дорогой. У меня на Нѣмецкой слободѣ немало людей имѣется, къ которымъ я великое уваженіе питаю. Но только среди католиковъ, а не среди протестантовъ. Вѣра сихъ послѣднихъ состоитъ въ томъ, чтобы все отрицать... Положеніе московскаго царства не легкое, но о гибели не можетъ быть и рѣчи. Семь лѣтъ тому назадъ, когда заговорили о земскомъ соборѣ, оно дѣйствительно было на краю гибели... Но теперь оно снова сильно и недѣлимо. Царь Іоаннъ никогда не станетъ взрослымъ, а что касается Петра, то онъ столкнулся съ сестрою, которая силою воли своей и настойчивостью ничѣмъ отъ него не отличается, но царевна Софья — величайшей премудрости, и московское царство должно почитать себя счастливымъ. А сего суеслова охотно бы желалъ повидать и думаю, что онъ смутился бы немало отъ сего свиданія.

Карбонарій улыбнулся.

— Не думаю, ваше сіятельство!

— А что?

— Онъ на меня, какъ на врача, производитъ впечатлѣніе какого-то больного человѣка... Онъ все толкуетъ о видѣніяхъ, о свѣтлыхъ лучахъ... Думаю, что у него мозговая болѣзнь — сирѣчь безуміе.

— Такіе-то особенно волнуютъ населеніе, я прикажу вызвать его ко мнѣ.

— Затѣмъ, — поклонился Карбонарій: — я осмѣливаюсь обратиться къ вашему сіятельству съ двумя покорнѣйшими просьбами...

— Что такое?

— Первое относительно разрѣшенія мнѣ поднести царямъ и царевнѣ грамоту императора Леопольда и предстать предъ ихъ свѣтлыя очи, а засимъ второе...

— Мы относительно перваго еще не рѣшили, — перебилъ его Голицынъ: — я думаю, что сіе исполнимо, но только не особенно скоро...

— А я надѣюсь, что вы, ваше сіятельство, сдѣлаете мнѣ сіе, потому что письмо императора...

— Хорошо!

— А вторая моя просьба относительно жалованья и кормовыхъ припасовъ. На отъздъ изъ посольскаго приказа обѣщано мнѣ было: бархатъ гладкій, бархатъ рытый, атласъ гладкій, камка куфтеръ, сукно багрецъ, сукно лундышъ, сорокъ соболей въ сорокъ рублей, да денегъ семьдесятъ рублей...

— Неужто мало?

— Не вѣдаю, князь, мало ли сіе или много, потому что до сихъ поръ ничего не получилъ, а когда обращался съ челобитной къ приказнымъ, то окромя обидъ и поношеній ничего не слыхалъ.

— Такъ!

— То же самое и относительно кормовыхъ припасовъ. Мнѣ по обѣщанію полагается: калачъ крупчатый въ двѣ лопатки да хлѣбъ двупудовый. Изъ большого прихода я такъ долженъ получать: четь стяга говядины, гуся, по двѣ утяти, зайца, два тетерева, баранъ шерстью, пять куровъ, двѣ полты ветчины, шесть гривенокъ масла коровья, 50 яицъ и на мелкое гривна...

Князь слушалъ, улыбаясь.

— Окромѣ того еще питья, — продолжалъ Карбонарій: — кружка вина боярскаго, двѣ кружки романей, двѣ кружки меду вишневаго, малиноваго столько же, двѣ кружки меду обварнаго, ведро меду паточнаго, ведро меду цѣженаго, два ведра меду княжова, ведро пива поддѣльнаго, два ведра пива простого, добраго...

— И этого не даютъ?

— Никакъ нѣтъ!

Голицынъ окончательно разсмѣялся. По лицу его пробѣжали смѣхъ, и бѣлые зубы блеснули ровной полоской между алыхъ губъ. Докторъ невольно залюбовался его красотой.

— Это обидно, съ одной стороны, а съ другой — и хорошо даже.

— Почему, ваше сіятельство?

— Какое же лѣчение недуговъ возможно послѣ такого количества меду разнаго да романей! Не надо симъ увлекаться...

— Обидно просто!

— Конечно, но и приказнымъ хочется медку хлебнуть...

— Конечно! — разсмѣялся въ свою очередь Карбонарій.

— Прикажу, все будетъ! На-дняхъ надо будетъ дать совѣтъ царю Іоанну, зѣло недуженъ онъ.

— Слыхалъ я.

— Ну вотъ, а относительно того, чтобы челомъ бить, устрою...

— Слушаю-съ!

И, низко кланяясь, Карбонарій оставилъ покон князя Василия Васильевича Голицына. По дорогѣ онъ вспомнилъ Кульмана и пожалѣлъ его.

VII.

Черезъ нѣсколько дней Кульманъ продолжилъ свою исторію. На этотъ разъ они пошли гулять съ Нордерманомъ на нѣмецкое кладбище. Все было тихо и молчаливо. Выдался сѣрый денекъ съ прозрачными тучками, и на всемъ лежала печать какой-то тихой, неуловимой грусти. Вдалекѣ вырисовывался златоглавый Кремль съ

его высокими колокольнями, слышался тихий и ровный прибой житейского моря.

— Да, жизнь идет!—говорил задумчиво Кульманъ, опираясь на могильный памятникъ:—она всюду, она везде!.. Даже здѣсь, въ могилахъ, идетъ жизнь, идетъ вѣчная и неустанная борьба со смертью, и все-таки побѣды не будетъ никогда. Но надо бороться, и я боролся до сихъ поръ и буду бороться еще... Я утомился, другъ мой...

— Учитель!—воскликнулъ купецъ:—не говорите такъ!

— А что?

— Я недостойнъ называться вашимъ другомъ, я только молюсь на васъ!

— Не богохульствуй!—строго прервалъ его Кульманъ:—молчи. Итакъ, я изложилъ учение Бема, но не онъ одинъ привлекалъ меня въ Голландію. Въ Амстердамѣ я познакомился и близко сошелся съ бывшимъ пасторомъ Бреклингомъ. Это былъ удивительный человѣкъ, немало пострадавшій за свои убѣждения. Съ нимъ вмѣстѣ и съ Гифтхейлемъ, который стремился къ вѣчному миру, мы провели немало вечеровъ. Въ 1676 г. прибыла въ Амстердамъ и собрала около себя кружокъ единомышленниковъ еще Антуанета Буриньонъ. И она указывала на упадокъ истиннаго христіанства, и она призывала возстановить первобытную церковь во всей ея чистотѣ, и она толковала о необходимости замѣнить наружное богослуженіе внутреннимъ. Она горячо говорила противъ школъ, потому что онѣ помрачаютъ свѣтъ. Сначала я видѣлъ въ ней друга, но потомъ мы стали врагами. Я открылъ ей всю истину, я исповѣдалъ ей великую тайну, что я посланъ самимъ Богомъ, и она не повѣрила мнѣ.

— Господи!—вырвалось у слушателя Кульмана.

— Да, и я отошелъ отъ нея! Я чувствовалъ, какъ постепенно зрѣетъ во мнѣ мысль. Со дня на день укрѣплялась во мнѣ рѣшимость проповѣдывать, что паденіе Вавилона наступило, что всѣ царства кончаются, и что священный Іерусалимъ или потерянная райская жизнь возвратится снова. Я объявлялъ страшную войну университетамъ и школамъ, наукъ и схоластикѣ, и чувствовалъ, что одержу побѣду надъ этимъ антихристовымъ воинствомъ.

„Впервые я выступилъ въ Лейденѣ, но враги мои ополчились на меня, и я долженъ былъ уѣхать. Въ Любекѣ я встрѣтился съ Магдалиной Линдау. Это была вдова, имѣвшая уже двухъ взрослыхъ сыновей и дочь. Она явилась въ Любекъ помимо своей воли, какая-то необъяснимая сила влекла ее... И она стала моей женой. Я сталъ отцомъ семейства, но одновременно съ этимъ и нищимъ. Какъ мы нуждались! Часто мы сидѣли безъ куска хлѣба, ложились спать въ темнотѣ, не знали ничего о томъ, что ждетъ насъ завтра. Всѣ мои друзья отшатнулись отъ меня, и я былъ совершенно одинокъ. Я работалъ, добывалъ жалкіе гроши и не унывалъ, потому что ясно сознавалъ, что это только временное наказаніе, наложенное на меня Господомъ Богомъ. Кое-какъ добрались мы до Гамбурга, оттуда на кораблѣ двинулись въ Лондонъ. Я помню хорошо этотъ переѣздъ... Дулъ порывистый вѣтеръ, набѣгали сѣдые валы, и изъ-подъ ихъ курчавыхъ гребней виднѣлись исковерканныя смѣхомъ страшныя лица чудовищъ; но свѣтлый лучъ, мой постоянный спутникъ, падалъ на нихъ, и они, извиваясь, метались и грызли въ безсильной злобѣ бока корабля... Денегъ у насъ достало только на то, чтобы доѣхать до Лондона, нечѣмъ было заплатить за переѣздъ черезъ Темзу, и семейство мое должно было влачиться суровыми каменистыми путями. Но въ Лондонѣ я скоро приобрѣлъ друзей, я думалъ уже заняться изданіемъ библіи на всѣхъ языкахъ, какъ совершенно неожиданно познакомился съ богатымъ джентльменомъ Джономъ Берггорстомъ. Это былъ удивительный человѣкъ по добротѣ своей и силѣ религіознаго чувства.

„Онъ уговорилъ меня поѣхать въ Константинополь и начать проповѣдь тамъ. Я сослался на то, что не имѣю средствъ.

„Онъ улыбнулся.

„— Объ этомъ нечего и говорить!—сказалъ онъ.

„— Почему?

„Онъ молча раскрылъ мнѣ свои сундуки, полные золота, и сказалъ:

„— Берите!

„Я смотрѣлъ на это путешествіе въ высшей степени серьезно и сталъ готовиться къ нему. Надо было очистить себя и семью свою отъ грѣховъ. Я установилъ посты, ежедневную общую молитву утромъ, въ полдень и вечеромъ. Я сочинялъ псалмы, и мы пѣли ихъ.

„Въ мартѣ 1678 года я выѣхалъ изъ Лондона. Казалось, все было благополучно, но уже въ Марсели „избранный народъ“, какъ я называлъ свое семейство, испортилъ все по зависти дьявола. Я былъ одинокъ, потому что Магдалина съ дѣтьми вели себя непристойно и распутно. Въ Мальтѣ я едва не погибъ, потому что челнокъ опрокинуло волной, но Богъ избавилъ меня отъ морской глубины. Но меня не такъ огорчало это крушеніе, какъ духовное, которое потерпѣла моя семья. Она осмѣивала священныя таинства, царство Христово, порицала всячески вѣчное евангеліе, она извращала возвышенныя словеса, которыя исходили изъ моихъ устъ. И я понялъ тогда же, что на груди своей питаю я самыхъ злыхъ враговъ и измѣнниковъ, и дьяволъ получить черезъ то возможность вредить мнѣ духовно и тѣлесно. Наконецъ добрались мы до Смирны. Оставивъ Магдалину на кораблѣ, я сошелъ на берегъ, но оказалось, что въ городѣ чума. Я долженъ былъ выдержать карантинъ. Ахъ, если бы вы знали, что я перенесъ за это время! Какъ тонко, хитро и разнообразно дѣйствовалъ дьяволъ!

„Я отсидѣлъ карантинъ въ Смирнѣ и отправился дальше въ Константинополь...

„Я поселился на краю города и, почти не отрываясь отъ работы, написалъ пламенное посланіе султану Магometу IV-му. Я писалъ ему, что огромная комета, которая была видна за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, служить провозвѣстницей іезуелитскаго царства, т. е. возвращенія всѣхъ народовъ къ единому и тріединому Богу. Если христіане,—восклицалъ я въ концѣ своего посланія:—откажутся исполнить волю Божію—разрушить антихриста-науку и идолопоклонство, то, на позоръ христіанамъ, совершатъ это турки или татары!“

— И что же?

Кульманъ махнулъ рукой.

— Ничего!..

— Какъ такъ?

— Очень просто: турки—варвары въ душѣ, такъ они и поступили со мной. Однажды, когда я сидѣлъ около своего дома, явились какіе-то люди, схватили меня и повлекли въ тюрьму...

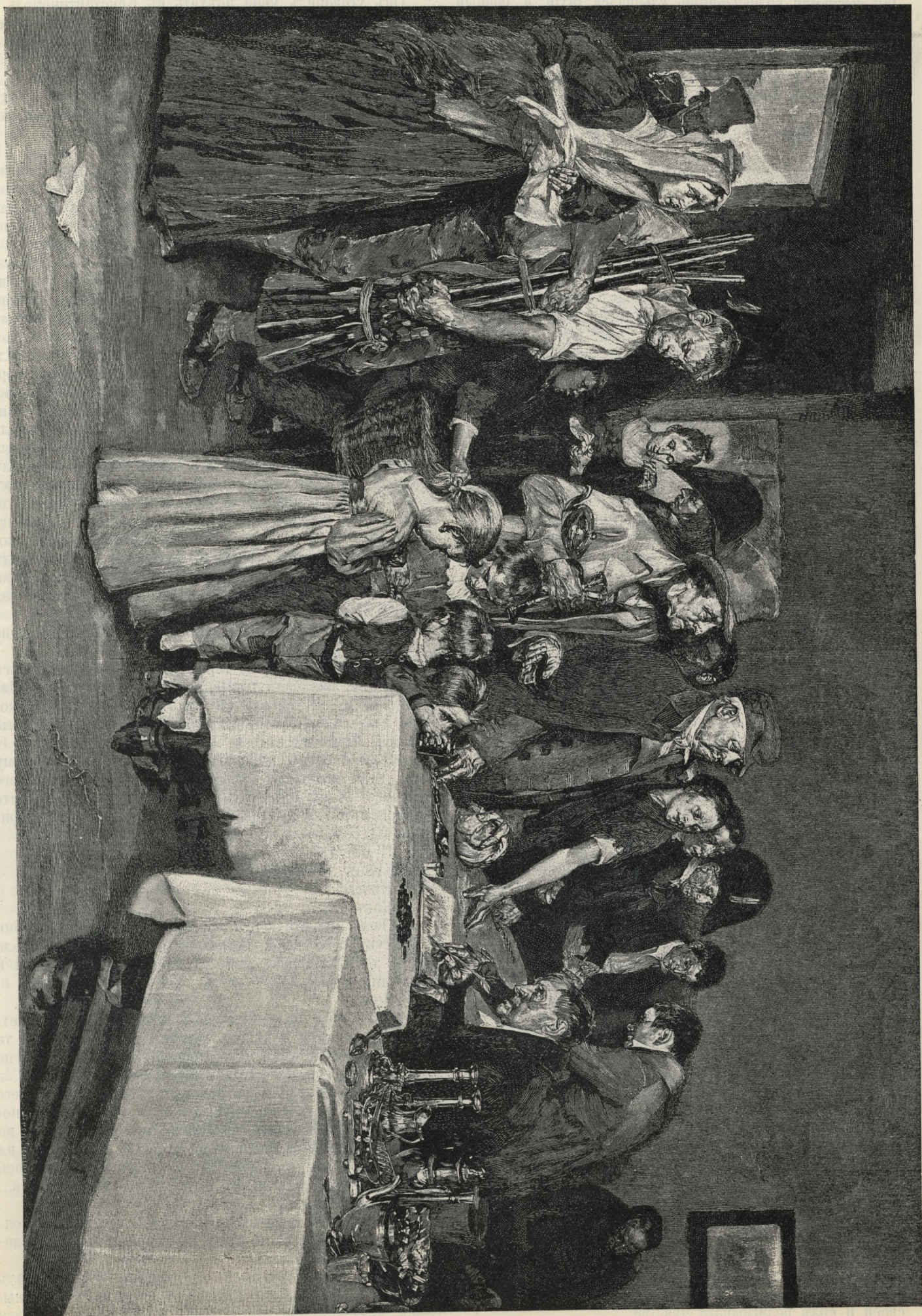
— Боже!

— Да! Сырое полутемное подземелье, окно съ рѣшеткой, кружка воды и кусокъ черстваго хлѣба—вотъ та обстановка, въ которой я очутился!.. Я думалъ, что меня казнятъ, и радовался этому. Пострадать за Бога, за Христово ученіе—да выше этого блаженства нѣтъ ничего на свѣтѣ. Я былъ счастливъ, но оказалось, что они поступили со мной иначе. Они дали мнѣ сто ударовъ по ногамъ и снова выпустили на свободу. Я очутился на улицѣ голодный, въ рубищѣ и безъ крова. Оставалось одно—вернуться назадъ въ Смирну, что я и сдѣлалъ...

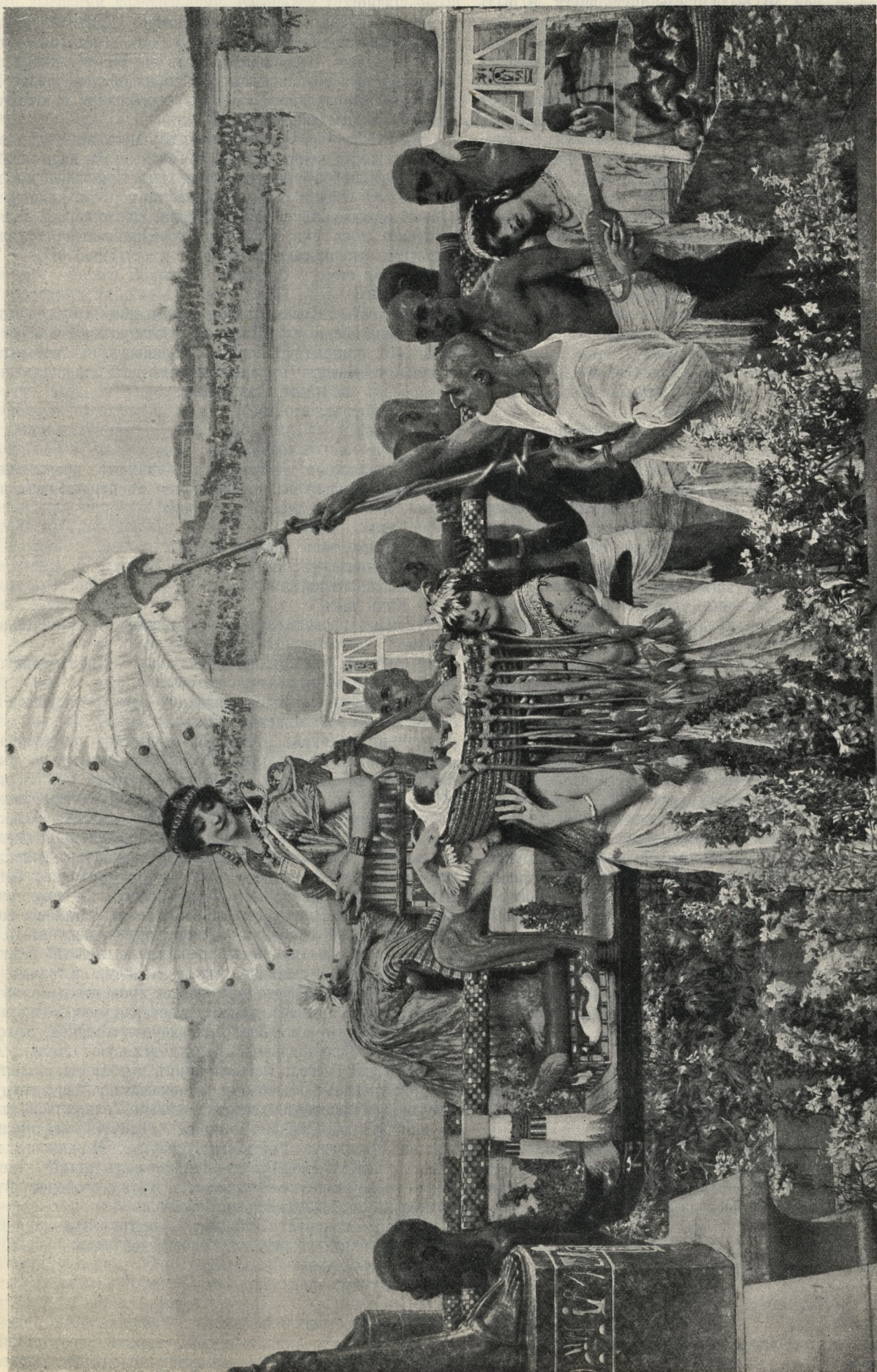
— А ваша семья?

— Магдалина съ дѣтьми оставалась все время у голландскаго консула Ванъ-Дама. И такимъ образомъ золотая моя мечта разбилась...

„Мы вернулись обратно въ Амстердамъ. Я чувствовалъ въ себѣ много силъ, но крылья у меня были связаны, семья являлась тяжелой обузой, и потому я рѣшился

На алтарь отечества. Картина Артура Кампа, гравюра Брендамура.

Дочь Фараона и Моисей. Картина Альма Тадема, авт. «Нивы».

разстаться съ ней. Мы были чужды другъ другу. Я былъ слуга Господень, она—исполнительница замысловъ сатаны!..

„Я ѣздилъ то въ Англію, то во Францію, знакомился и дружески сходилъ со многими людьми, которые тоже искали царства Бога на землѣ, но не находилъ себѣ покоя. Меня тянуло на сѣверъ. Я хотѣлъ спасти русскій народъ. За это время я овдовѣлъ и женился второй разъ. Послѣ долгихъ разговоровъ съ Гениномъ я рѣшился наконецъ ѣхать. И вотъ я здѣсь!.. Я рассказывалъ вамъ исторію моей жизни...

— Не судите меня строго, если я въ чемъ нибудь заблуждался, но я хотѣлъ людямъ добра и только добра. Я начну здѣсь проповѣдывать, чтобы всѣ жили, какъ братья и сестры, какъ было въ раю, что не должно быть на землѣ иной власти, кромѣ Божьей, что наука, просвѣщеніе, все это суета суетъ—и вы поможете мнѣ?

— Да!

Нордерманъ поднялъ руку къ небу.

— Клянусь,—сказалъ онъ:—клянусь своей жизнью, что не отступлю ни на шагъ, хотя бы мнѣ угрожала даже смертная казнь!

— Благодарю!—сказалъ Кульманъ и заключилъ своего друга въ объятія.

Пошелъ мелкій дождь, и точно все заплакало кругомъ надъ этими жалкими двумя людьми, которые хотѣли все повернуть, заставить жизнь идти новымъ русломъ...

И Москва заранѣе оплакивала ихъ. Кульманъ смотрѣлъ впередъ своимъ огненнымъ взоромъ; около него, держась одной рукой за могильный крестъ, стоялъ Нордерманъ, забывшій свою семью, свое коммерческое дѣло—все изъ-за той завѣтной цѣли, которую считалъ нужной и святой.

VIII.

Черезъ нѣсколько дней Кульманъ только-что хотѣлъ засѣсть за книги, какъ явился приказный и потребовалъ, чтобы онъ немедленно собирался идти къ князю Василию Васильевичу Голицыну. Разговоръ велся черезъ прислугу, которая, понимая Кульмана изъ пятого въ десятое, тѣмъ не менѣе сумѣла перевести его вопросъ.

— А зачѣмъ князь требуетъ къ себѣ?

— Чего захотѣлъ нѣмчинъ-то!—удивился приказный:—а мы нешто князя-то самого видали? Станетъ онъ съ нами разговаривать! Выбѣжалъ какой-то, махнулъ рукой, чтобы, значить, въ Нѣмецкую слободу идти, ну и ладно. Пока я еще нѣмчина-то этого самаго, — и приказный указалъ на Кульмана пальцемъ:—нашелъ, такъ измучился, ей Богу!

Приказный оглядѣлся.

— Ну, сторонка!—сказалъ онъ:—Нѣмецкая-то ваша слобода! Нечего сказать, хороша, всякъ по-своему лопочеть, а понять ничего нельзя! А ты, милая, откуда научилась?

— Живу по нѣмцамъ!

— Вотъ оно чтò!

Приказный улыбнулся.

— Ужъ такой бы красавицѣ не грѣхъ и въ самой Москвѣ жить, не то что въ слободѣ!

— Чего тамъ!

— Право слово!

Молодая дѣвушка засмѣялась, при чемъ глаза ея пре-вратились въ щелки, а зубы заблестѣли бѣлой полоской.

Приказный помялся и добавилъ:

— Знакомы будемъ!

— Ну, чего еще!

Собесѣдница приказнаго закрылась рукавомъ и спросила:

— А какъ звать-то?

— Андреемъ!

И, вспомнивъ о своихъ обязанностяхъ, серьезнымъ уже тономъ добавилъ:

— Торопи нѣмца-то своего!

— Ладно!

Но Кульмана торопить было нечего. Какъ человѣкъ, много испытавшій на своемъ вѣку, онъ всегда былъ готовъ ко всѣмъ случайностямъ, и ему самому хотѣлось поскорѣе выяснитъ, зачѣмъ онъ понадобился князю. И оба они замолчали. Кульманъ перебиралъ въ головѣ все, но не догадывался.

— Неужели прикажутъ уѣхать изъ Московіи?—думалъ онъ:—неужели новая дьявольская злая шутка надо мной?

И онъ со злобой осматривался кругомъ. Приказный шель, путаясь въ своемъ длинномъ кафтанѣ, и съ любопытствомъ оглядывалъ своего спутника. Около воротъ голицынского дома они остановились. Приказный сбѣгалъ доложить, что привелъ нѣмчина.

— Тащи его!

— Ладно!

И не успѣлъ Кульманъ опомниться, какъ его уже ввели къ князю Голицыну. Квиринъ взглянулъ на князя, и лицо его стало бѣлѣе мѣла. Голицынъ съ любопытствомъ оглядывалъ пришельца, замѣтилъ блѣдность его и спросилъ на нѣмецкомъ языкѣ:

— Нездоровъ, что ли?

— Нѣтъ!

— А чтò же съ тобой?

— Я пораженъ!—заговорилъ Кульманъ дрожащимъ голосомъ:—я вижу ваше сіятельство въ первый разъ въ жизни, а между тѣмъ я васъ знаю!

— Какъ?

— Я знаю васъ хорошо!

— По отзывамъ?

— Нѣтъ, лично!

— Какъ такъ?

Кульманъ провелъ рукой по лбу, какъ бы припоминая что-то.

— Сейчасъ, сейчасъ! заговорилъ онъ:—я вамъ скажу... Я видѣлъ ваше сіятельство во снѣ!

Улыбка скользнула по красивому лицу Голицына.

— Это не возбраняется!—сказалъ онъ.

— Я видѣлъ сонъ... Далекая степь, вся выгорѣвшая отъ солнца... Голубой куполъ неба запрокинулся и усыпанъ яркими звѣздами. Вечерняя прохлада манитъ къ себѣ. Невольно отворяются палатки, и измученные дневнымъ зноемъ люди жадно вдыхаютъ воздухъ. Только одна палатка закрыта. Въ ней сидитъ человѣкъ и чего-то ждетъ... Кто онъ? Онъ впереди громаднаго войска, которое готово по одному его слову ринуться въ бой. Чего же онъ медлитъ? чего же онъ ждетъ, къ чему прислушивается?... Онъ ждетъ глубокой ночи, когда все заснетъ мертвымъ сномъ, и къ нему явится искушитель... И вотъ онъ уже пришелъ: узкіе глаза, желтый цвѣтъ лица, освѣщеннаго свѣчой, халатъ и чалма на головѣ—все это доказываетъ его монгольское происхождение; онъ говоритъ что-то, низко кланяясь и потирая руки... Тщетно хочу я услышать его слова, онъ говоритъ слишкомъ тихо, и слова его составляютъ великую-великую тайну... А вождь слушаетъ его... Вотъ татаринъ вынимаетъ мѣшокъ съ драгоценными камнями и показываетъ на грудь мѣшковъ съ золотомъ... Утро... Румяное солнце первыми косыми лучами освѣщаетъ степь... Тянутся всадники, скрипятъ телѣги... Войско отступаетъ... И дальше и дальше уходитъ оно. По степи пробѣжалъ легкій вѣтерокъ, точно вздохъ облегченія... Страна свободна отъ сѣверныхъ завоевателей, она ликуетъ...

— Стой!—крикнулъ Голицынъ и, схвативъ Кульмана за руку и переходя разомъ на шопоть, добавилъ:

— И этотъ вождь былъ я?...

— Были вы, ваше сіятельство!

— Кто ты?

Кульманъ пожалъ плечами.

— Я листъ осенній, гонимый вѣтромъ, но вѣтрами управляетъ самъ Господь!... Я здѣсь по волѣ пославшаго меня!

— Говори правду, или я тебя замучаю пытками. Теперь я отлично понимаю, мнѣ все ясно! Тебя подослали сюда мои враги. Это проклятый Гордонъ, другъ самонадѣяннаго юноши Петра, держать въ Нѣмецкой слободѣ оружіе противъ меня. Но ты дажь мнѣ понять...

— Я не понимаю васъ, ваше сіятельство!—заговорилъ Кульманъ:—я рассказываю вамъ свои сны...

— Довольно! Я не ребенокъ и не старуха, чтобы вѣрить всякому вздору. Неужели я не понимаю? это былъ намекъ, желаніе дать понять, что тѣ подозрѣнія, на основаніи которыхъ хотятъ погубить меня мои враги, не лишены основанія! Сколько надо?

— Чего?

— Денегъ!

Кульманъ отступилъ назадъ. Его блѣдное лицо вспыхнуло и покрылось яркими пятнами.

— Мнѣ ничего не надо! Я прибылъ сюда, чтобы спасти московское царство!

— Перешагнувъ черезъ мое тѣло?

— Нѣтъ, князь, вы слишкомъ просвѣщенный человекъ, чтобы могли мѣшать мнѣ. Царство московское гибнетъ, и оно должно быть спасено, и сдѣлаю это я!

И Кульманъ заговорилъ, волнуясь и перебивая самъ себя. Онъ нарисовалъ Голицыну широкую картину возвращенія рая на землю, когда люди въ первобытномъ, блаженномъ состояніи не знаютъ, что такое зло, и любить другъ друга искренней, братской любовью... Все полно радости и счастья. Смерть является не гостьей, вырывающей любимаго человѣка изъ объятій его близкихъ, а желаннымъ другомъ, который приноситъ покой...

— И міръ станетъ инымъ!—уже гремѣлъ и радовался въ княжескихъ покояхъ звонкій голосъ Кульмана:—и мы будемъ основателями новой жизни!

Голицынъ слушалъ его сначала недовѣрчиво, но порывъ проповѣдника захватилъ и его. Онъ смотрѣлъ на Кульмана и думалъ, что такой человѣкъ неспособенъ на подлость, на подвохъ.

„Но сонъ? — всплыло въ памяти Голицына: — что это значить? можетъ-быть, этотъ человѣкъ провидецъ какой, или ему открыты всѣ тайны, а, можетъ, ловкій пройдоха! За рубежомъ всякіе есть!“

И, кивая сочувственно головой, Голицынъ мысленно рѣшалъ уже участь Кульмана. Человѣкъ этотъ могъ быть ему опасенъ, надо убрать его съ дороги, когда всякое препятствіе можетъ быть пагубно для него. Попадись врагамъ его Кульманъ въ руки, они путемъ пытокъ вырвутъ у него признаніе, и сонъ превратится въ дѣйствительность.

— Ты распространяешь какую-то ересь? — спросилъ князь.

— Я?

— Да! Пасторъ выгналъ тебя отъ себя!

— Это было. Слѣпому кроту не суждено видѣть солнце!

— Будь остороженъ, у тебя много враговъ. Московское правительство только терпитъ иноземцевъ, но лишь подъ однимъ условіемъ полного мира въ ихъ слободѣ.

При первыхъ смутахъ мы расправимся жестоко, помни это! И не губи другихъ, если ужъ тебѣ самого себя не жалко. Уходи, но мой совѣтъ тебѣ: сны, которые видишь, забывай!

И, кивнувъ головой, Голицынъ отпустилъ Кульмана. Унылый и печальный вернулся Квиринъ домой. Жена встрѣтила его словами:

— Ну, что?

Въ тревожномъ тонѣ вопроса чувствовался страхъ, что судьба нанесла еще одинъ ударъ, и снова придется двигаться безъ цѣли и безъ средствъ, терпѣть всякія невзгоды и лишенія.

— Ничего!

— Мы останемся здѣсь?

— Пока!

— Слушай, Квиринъ! — заговорила его жена, кладя ему свою руку на плечо: — неужели ты еще думаешь бороться?

— Да!

— И ты надѣешься на побѣду?

— Конечно! Богъ побѣдитъ дьявола, а слѣдовательно добро должно раздавить зло!

Жена Кульмана отошла отъ него, неодобрительно покачивая головой. Она отлично знала, что говорили въ Нѣмецкой слободѣ о пріѣздѣ Кульмана. Недовольство со всѣхъ сторонъ. Нордерманъ, тоже зная объ этомъ, въ отсутствіе Кульмана дѣлился съ его женой своими опасеніями.

— Что же дѣлать?—спрашивала она.

— Терпѣть!

— Какъ?

— Конечно, надо терпѣть и ждать! Господь часто посылаетъ своимъ избранникамъ испытаніе. Такъ было, напримѣръ, съ Іовомъ, отъ котораго Господь даже отступился!

И Эсфиръ видѣла, что передъ ней стоитъ такой же фанатикъ, какъ и ея мужъ. Въ его глазахъ горѣлъ такой же огонь, который уже нельзя было потушить.

— Подумайте, г. Нордерманъ, — говорила она: — на что вы идете? У васъ громадная семья...

— Все равно!

— Въ случаѣ какихъ-либо безпорядковъ, правительство московское не пожалѣетъ вашихъ дѣтей!..

— Да, но о нихъ позаботится самъ Господь! Если безъ воли Его не упадетъ ни единый волосъ съ головы смертнаго, то неужели же Великій Промыслитель оставитъ ихъ?! Наконецъ отецъ умножитъ ихъ богатства не на землѣ, а тамъ, за гробомъ. Развѣ это не можетъ считаться счастьемъ?

Молодая женщина понимала, что дальнѣйшая бесѣда становилась уже лишней, и уходила къ аптекарю Гутбиру. Здѣсь, въ домѣ этого добраго старика, вѣяло совершенно другимъ. Здѣсь всѣ были далеки отъ вѣчныхъ вопросовъ и пытливаго исканія новаго счастья, потому что то, которымъ они пользовались, вполне удовлетворяло ихъ.

(Продолженіе будетъ).

Лиловые цвѣты.

Лиловые цвѣты поры осенней
Въ травѣ поникшей пахнутъ увяданьемъ,
Въ нихъ словно грусть послѣднихъ сожалѣній
Уже съ смертельнымъ связана страданьемъ.

Лиловые глаза нѣмой печали,
Прощаніе улыбки бояливой...
Еще лазурны и прозрачны дали,
Но холодно цвѣсти и сиротливо...

Лиловыя головки солнца просятъ
И грустно пахнутъ сыростью ненастья...

Ихъ утренній морозъ еще не косить,
А солнце не даетъ тепла и счастья.

Въ травѣ увядшей, желтой и бездушной,
Лиловые цвѣты живутъ неслышно,
Къ ихъ скромной красотѣ все равнодушно,
И все кругомъ безмолвно и недвижно.

Никто не видитъ ихъ, и цвѣтъ лиловый
Пестритъ поля холодныя напрасно...
Они умрутъ отъ вьюгъ зимы суровой—
Какъ жили—незамѣтно и безгласно...

Вл. Ленскій.

Мечта.

Мечта моя, померкшая въ тревогѣ шумныхъ дней,
Ты снова улыбаешься, безплотна и ясна...
Люблю тебя, далекую, и съ каждымъ днемъ сильнѣй,
Молюсь воспоминаніямъ, красивымъ, какъ весна.
Ты вѣшь нѣгой женственной въ забвеніи ночей,
Роняешь блѣдно-алые мгновенья-лепестки...

Ты вся—любовь пвѣтушая, въ одеждѣ изъ лучей,
Съ душой неутоленною и пламенемъ тоски.
Восторги и паденія обманчивыхъ тревогъ—
Они—какъ сны мгновенные, какъ пѣна отъ волны...
Тебѣ молюсь, израненный во мглѣ земныхъ дорогъ,
Лучистая, далекая мечта моей весны!

Дмитрій Цензоръ.

Поцѣлуй волны. Скульптура Адамсона, авт. «Нивы».

Три друга покойницы.

Рассказ А. Бушерона.

У угольщика умерла жена, которую он очень любил; двадцать лет он прожил с нею в полном согласии. Когда послѣ похоронъ онъ вернулся домой, то почувствовал себя одинокимъ, жалкимъ, забытымъ; плакать онъ не могъ, хотя постигшее его горе было очень велико. Съ тоскою глядѣлъ онъ на постель, гдѣ наканунѣ еще покоилось ея тѣло. Онъ не ложился спать, жизнь казалась ему пустою и ничтожною, потерявшей всякій смыслъ. Вдругъ случайно взглядъ его остановился на старой, немного выщербленной тарелкѣ съ синими полосами, которую онъ и жена когда-то выиграли въ лотерею на деревенской ярмаркѣ. Вспомнивъ это событіе, онъ заплакалъ — въ первый разъ послѣ смерти жены. Покойница, какъ живая, стояла въ его воображеніи; онъ съ любовью всматривался въ ея черты, и образъ ея все глубже и полнѣе захватывалъ все его существо: онъ росъ и ширился, точно водяные круги на гладкой поверхности тихаго лѣснаго пруда, взбаламученнаго брошеннымъ камнемъ. Она не была красива, но въ ея лицѣ была та своеобразная привлекательность, которая свойственна простымъ, добрымъ, преданнымъ женщинамъ. Это лицо, для другихъ не представлявшее никакого интереса, принесло ему двадцать лѣтъ безмятежнаго счастья. Каждое утро, какова бы ни была погода, она провожала его немного, когда онъ отправлялся на работу; вечеромъ она выходила къ нему навстрѣчу и, когда замѣчала, что у него слишкомъ тяжелая ноша, ускоряла шаги, чтобы помочь ему.

Привязанность, которую они питали другъ къ другу, они никогда не опредѣляли словами, но чувствовали ее глубоко и сильно. Ради нея онъ не жалѣлъ себя, переносилъ всевозможныя лишения, работалъ не покладая рукъ и въ стужу, и въ палящій зной; теперь ей не стало, и не для кого терпѣть невзгоды, не для кого приносить жертвы, не о комъ заботиться.

Проснувшись на другой день, угольщикъ разсѣянно посмотрѣлъ вокругъ себя и не замѣтилъ ни собаки, которая внимательно слѣдила за всѣми его движеніями, ни попугая, обыкновенно очень болтливаго, а теперь угрюмаго и молчаливаго; онъ даже не замѣтилъ исчезновенія кошки, постоянной обитательницы его дома.

Эти животные были любимцами его жены; она за ними сама ухаживала и кормила ихъ. Они были единственнымъ наслѣдствомъ, оставшимся послѣ Жанны. Но удрученный горемъ угольщикъ забылъ объ ихъ существованіи; онъ жилъ, потому что жить было нужно, хотя ни смысла, ни цѣли въ своей жизни онъ не видѣлъ.

Вечеромъ, возвратившись домой послѣ работы, онъ обратилъ вниманіе на то, что кошки нѣтъ больше въ домѣ. Сначала онъ не придалъ этому обстоятельству никакого значенія, но потомъ сталъ все больше и больше беспокоиться за участь неизвѣстно куда исчезнутаго животнаго. Во время болѣзни жены кошка неотлучно находилась при ней; она лежала на подушкѣ, склонивъ голову на шею или плечо больной, которую согрѣвала своимъ тѣломъ; когда ее насильно снимали съ постели, кошка принималась жалобно мурлыкать и спустя нѣкоторое время снова появлялась на своемъ посту.

Прошло два дня. На третій день, видя, что кошка не возвращается, угольщикъ рѣшилъ отправиться на поиски.

— Жоне, идемъ! — крикнулъ онъ собаку.

Та, въ восторгѣ, что хозяинъ назвалъ ее по имени, быстро подыалась съ мѣста.

— Нужно найти твоего товарища — ты видишь, его нѣтъ съ нами.

Жоне поднялъ вверхъ морду и завилъ хвостомъ, точно понимая слова хозяина. Собака и кошка жили дружно, никогда не ссорились, наоборотъ, нерѣдко помогали другъ другу, когда приходилось защищаться отъ нападенія другихъ животныхъ.

Собака бѣжала впереди хозяина и обнюхивала встрѣчавшіяся по пути предметы. Они осматрѣли всѣ извѣстныя въ окрестности пещеры, обшарили всѣ закоулки, но ничего не нашли. Попугай, должно-быть, догадался о безуспѣшности ихъ поисковъ, такъ какъ при появленіи ихъ не издалъ ни единого звука. На слѣдующій день съ ранняго утра поиски возобновились, но вначалѣ безъ всякаго успѣха: кошка точно сквозь землю провалилась — нигдѣ никакого слѣда ея нельзя было найти въ теченіе довольно долгаго времени. Угольщикъ, усталый до-нельзя и огорченный неудачей, видя бесплодность своихъ усилій, рѣшилъ-было прекратить дальнѣйшіе поиски, какъ вдругъ услышалъ позади себя радостный, торжествующій лай. Оглянувшись, онъ замѣтилъ, какъ Жоне бросился въ кусты можжевельника, росшаго по краямъ дороги. Бѣглянка была найдена, но въ какомъ ужасномъ видѣ она предстала! Сильно исхудавшая, съ грязной, висѣвшей клочьями, шерстью, съ красными слезящимися глазами, она, казалось, доживала свои послѣдніе дни. Узнавъ своихъ, она стала жалобно мяукать. Хозяинъ приласкалъ ее и, взявъ на руки, понесъ домой. По дорогѣ онъ

зашелъ къ знакомому фермеру, чтобы дать ей немного молока. Цѣлый день угольщикъ оставался дома со своими животными, чтобы приучить ихъ не уходить со двора, и велика была его радость всякій разъ, когда, возвратившись домой послѣ трудового дня, онъ заставлялъ всѣхъ своихъ «домочадцевъ» на своихъ мѣстахъ. Онъ сталъ удѣлять имъ много вниманія, заботясь о всѣхъ вмѣстѣ и о каждомъ въ отдѣльности, иногда даже разговаривалъ съ ними. Животныя по-своему отвѣчали на такое обращеніе: собака, заслышавъ голосъ хозяина, принималась тереться у его ногъ, кошка стала менѣ дикой, а попугай, видя нѣкоторое оживленіе въ домѣ, въ свою очередь понемногу оживлялся, хотя не надолго.

Однажды вечеромъ угольщикъ пришелъ домой съ огромной вязанкой дровъ на спинѣ. Изнемогая отъ усталости, онъ сбросилъ тяжелую ношу почти у самаго порога своего жилища и былъ чрезвычайно пораженъ, когда вдругъ услышалъ произнесенное хорошо знакомымъ голосомъ привѣтствіе: «Добрый вечеръ». Это былъ голосъ его жены! Въ сильномъ волненіи онъ сталъ озираться вокругъ, чтобы увидѣть, кто говоритъ, но никого не увидѣлъ; когда онъ вошелъ въ комнату, привѣтствіе повторилось: не оставалось никакого сомнѣнія, что его произносилъ попугай, — его научила этому покойная Жанна.

У угольщика навернулись слезы на глазахъ, — покойница стала въ его воображеніи, какъ живая, въ тотъ моментъ, когда она встрѣчала его вечеромъ. Онъ погрузился въ воспоминанія о былыхъ годахъ безмятежнаго счастья, безвозвратно утраченнаго по волѣ слѣпотаго случая. Эти воспоминанія въ обстановкѣ, гдѣ каждая мелочь напоминала о покойницѣ, вызвали въ немъ смѣшанныя ощущенія горечи и наслажденія.

Онъ твердо рѣшилъ никогда не разставаться съ любимцами своей покойной жены: находясь съ ними, онъ менѣ чувствовалъ тяжесть своего горя и почти забывалъ свое одиночество; онъ не переставалъ думать о нихъ даже тогда, когда находился за работой, когда шагалъ по пустынно молчаливому лѣсу или пробирался сквозь густыя заросли, собирая обвалившіеся гнилые сучья и вѣтки. Онъ радовался при мысли, что съ наступленіемъ сумерекъ онъ вернется къ своимъ вѣрнымъ друзьямъ, которые съ нетерпѣніемъ ожидаютъ его прихода. Чтобы имѣть возможность раздѣлить съ ними свою скромную трапезу, онъ сокращалъ свой обѣдъ въ лѣсу до крайнихъ предѣловъ, нерѣдко довольствуясь лишь однимъ супомъ изъ каштановъ.

Собака чувствовала себя очень хорошо въ хижинѣ угольщика. Когда этотъ послѣдній, возвратившись домой послѣ цѣлаго дня утомительной работы, принимался стрипать свой незатѣйливый ужинъ, она смѣло ставила свои лапы на столъ и, увѣренная, что получить свою порцію полностью, не спускала глазъ съ своего хозяина, у котораго тогда была одна забота: поскорѣ накормить своихъ друзей.

Попугай, послѣ своего обычнаго «добрый вечеръ», принимался торопливо бѣгать по клѣткѣ; угольщикъ вынималъ его оттуда и усаживалъ на перекладину, съ высоты которой онъ безъ умолку болталъ, пѣлъ, свисталъ, вообще показывалъ свое искусство. Онъ пересталъ грустить и, видимо, былъ доволенъ собою и окружающимъ, такъ же какъ кошка, которая растолстѣла и не дѣлала болѣе попытокъ уходить со двора. Она всегда ложилась на порогъ дома въ ожиданіи прихода хозяина; ея примѣру слѣдовала собака. Угольщикъ радовался, видя, что его друзья благоденствуютъ. Онъ сильно привязался къ нимъ и съ удовольствіемъ проводилъ съ ними время: другого общества ему не нужно было. Глядя со стороны, трудно было догадаться, что это была тѣсно сплоченная дружная семья: человѣкъ отлично понималъ животныхъ, и животныя отлично понимали человѣка. Между ними царилъ полное согласіе, въ домѣ все шло по разъ заведенному порядку, какъ при жизни Жанны.

Въ хоромахъ богачей, навѣрно, нельзя найти того единенія и согласія, которыя царили въ бѣдной хижинѣ угольщика, затерянной въ глубинѣ большого глухого лѣса. Когда ночью гудѣлъ вѣтеръ, заставляя вздрагивать верхушки деревьевъ, и завывала въ отдаленіи буря, всѣ четверо покоились безмятежнымъ сномъ.

Однажды у хижинъ угольщика остановился какой-то путешественникъ. Восхищенный красою и талантами попугая, онъ захотѣлъ приобрести его и предложилъ за него угольщику довольно значительную сумму денегъ, которая могла бы послужить превосходнымъ подспорьемъ для его бѣднаго хозяйства. Мало того, узнавъ о смерти жены угольщика, путешественникъ предложилъ вдобавокъ построить на свой счетъ памятникъ на ея могилѣ. Однако всѣ эти заманчивыя предложенія цѣли не достигли: угольщикъ ни за что въ мірѣ не соглашался разстаться ни съ однимъ изъ своихъ друзей, съ попугаемъ же въ особенности. Чувство благодарности

къ нимъ, которое онъ раньше едва ощущалъ, вылилось теперь въ определенную форму.

— Пока я живу, я всегда буду съ ними неразлученъ—съ собакой, кошкой и попугаемъ. Что бы стало со мною безъ нихъ? Я умеръ.

бы съ горя или сошелъ бы съ ума. Благодаря имъ я ожилъ, любилъ жизнь и трудъ, съ ними у меня нѣтъ ни тоски, ни одиночества, они, сколько возможно, замѣняютъ мнѣ забывенную Жанну.

Земледѣльческая колонія малолѣтнихъ преступниковъ въ С.-Петербургѣ.

(Съ 4 рис. на этой стр.).

Было время, когда преступниковъ подвергали наказанію съ одною только цѣлю—отомстить имъ за сдѣланное ими зло: воздать имъ «око за око, зубъ за зубъ»; этотъ библейскій принципъ даже и примѣнялся почти буквально: если, напримѣръ, преступникъ былъ виновенъ въ томъ, что кого-либо убивалъ,—его тоже убивали, т. е. казнили; если онъ отрубалъ кому-либо руку, ему тоже отрубали руку; если воровалъ что-либо, у него конфисковалась соответственная доля имущества.

Къ этому принципу возмездія позднѣе присоединился (а еще позднѣе и совершенно воцарился) принципъ устрашенія. Преступника стали наказывать какъ можно строже, мучительнѣе и притомъ какъ можно болѣе на виду у всѣхъ—«чтобы другимъ впредь не повадно было». Въ этихъ видахъ устрашенія наказаніе всегда производилось публично и при торжественной, грозной обстановкѣ; къ тому же оно сплошь и рядомъ совершенно не соответствовало преступленію по своей тяжести: за мелкую кражу, напримѣръ, какъ это было нѣкогда въ Англіи, казнили повѣшеніемъ.

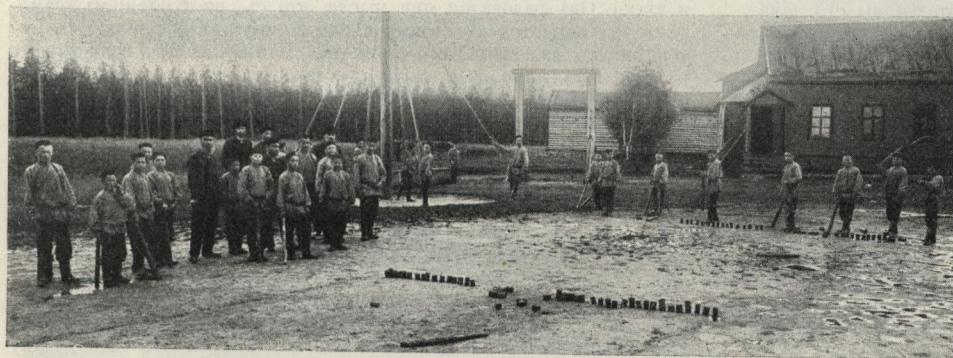
И понадобилась не одна сотня лѣтъ для того, чтобы въ уголовные кодексы всѣхъ странъ проникли лучи

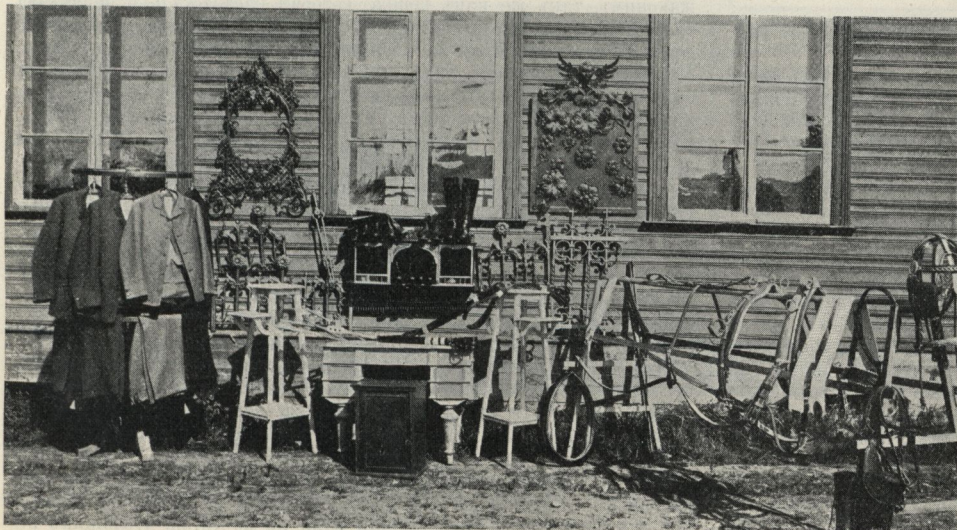
Группа завѣдующихъ мастерскими и воспитатели съ директоромъ Ѳ. П. Горскимъ.

Сапожники у зданія сапожной мастерской.

Подвижныя игры въ колоніи.

Выставка работъ мастерскихъ земледѣльской колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ.

болѣе живыхъ и гуманныхъ взглядовъ на преступленіе и наказаніе. Понадобились труды знаменитыхъ писателей-гуманистовъ, въ родѣ, напримѣръ, Вольтера, чтобы доказать безплодность и безцѣльность одного только устрашенія и возмездія въ уголовной репрессіи. Въ самомъ дѣлѣ, наказаніе, какъ бы оно ни было тяжело, устрашало только честныхъ людей; преступная же совѣсть никогда съ этимъ страхомъ не считалась, и преступникъ, идя на свое злое дѣло, всегда былъ увѣренъ, что именно онъ-то и не попадетъ правосудію. Мало того: въ разгаръ самыхъ драконовскихъ законовъ, въ той же Англіи, въ то время, когда вѣшали за кражи, кругомъ висѣлицы въ собравшейся толпѣ всегда производилось множество карманныхъ кражъ.

И вотъ мало-по-малу въ уголовной теоріи возникъ новый взглядъ на наказаніе: наказывать нужно лишь съ той цѣлю, чтобы обезопасить общество отъ преступниковъ. Но какимъ образомъ всего лучше и вѣрнѣе обезопасить его отъ нихъ? Запирать въ тюрьмы—ненадежно. Казнить—слишкомъ жестоко. Всего надежнѣе—устранить преступныя черты въ самомъ преступникѣ, превратить его въ честнаго труженика и въ правоспособнаго гражданина; однимъ словомъ, перевоспитать его.

Такимъ путемъ и возникъ современный взглядъ на наказаніе, какъ на такую мѣру, которая должна воспитать въ преступникѣ челоѣка, поставивъ его въ особое изолированное положеніе и подвергнувъ особому карательно-воспитательному режиму.

На практикѣ такой принципъ въ чистомъ видѣ былъ впервые примѣненъ въ Америкѣ (въ Филадельфіи), но результаты, надо сознаться, получились несовсѣмъ удачные. Поэтому въ настоящее

время признано, что перевоспитать настоящего, закореняла преступника, притомъ взрослого, сложившагося человѣка—крайне трудно и почти невозможно. Въ этомъ отношеніи воспитательный принципъ оказался пригоднымъ скорѣе въ теоріи, чѣмъ на практикѣ.

Но совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ съ преступниками-дѣтьми. По отношенію къ нимъ карательно-воспитательный методъ далъ блестящіе результаты.

Если взрослому человѣку перевоспитать и переѣлать уже нельзя, то несложившаяся, мягкая и податливая натура малолѣтняго сама напрашивается на переѣлку и перевоспитаніе. И потому-то всѣ теоретическіе гуманные взгляды современныхъ криминалистовъ на наказаніе, какъ на исправленіе, нашли прекрасную почву именно въ дѣтскомъ преступномъ мірѣ.

Какъ это ни грустно, какъ это ни странно, но дѣти-преступники существуютъ. Существуютъ дѣти, сознательно творящія зло, будучи толкаемы на это условіями своего быта, своей несчастной натурой. И вездѣ, во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, они предстаютъ наравнѣ со взрослыми преступниками предъ судомъ; судъ ихъ судить и приговариваетъ къ наказанію. Но къ какому?

Куда дѣвать этихъ жалкихъ ребятишекъ, обыкновенно безпризорныхъ, безсѣмейныхъ маленькихъ бродягъ? Въ прежнюю пору вопросомъ этимъ мало занимались: съ дѣтьми-подсудимыми не перемонились и ввергали ихъ въ тѣ же тюрьмы, что и взрослыхъ. Но въ XVIII вѣкѣ знаменитый гуманистъ, докторъ Говардъ, обратилъ вниманіе на огромное зло, причиняемое малолѣтнимъ арестантамъ совмѣстнымъ заключеніемъ ихъ со взрослыми. Тюрьма была для нихъ полною гибелью какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. Подобные взгляды, впрочемъ, существовали еще и до Говарда, и въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы было уже давно признано необходимымъ устроить для дѣтей отдѣльныя тюрьмы.

Но этимъ дѣло не могло ограничиться, и, когда принципъ исправленія сталъ все болѣе и болѣе занимать собою криминалистовъ, на дѣтей-преступниковъ было обращено особое вниманіе, и въ Европѣ стали возникать одно за другимъ спеціальныя учрежденія для ихъ воспитанія.

Въ 1704 году папа Климентъ XI устроилъ въ Римѣ домъ для исправленія и воспитанія малолѣтнихъ преступниковъ. Позднѣе возникли подобныя же учрежденія въ Швейцаріи, основанныя знаменитымъ Песталоцци. Въ 1839 году была открыта во Франціи знаменитая Метрейская колонія малолѣтнихъ преступниковъ (въ Mettray, близъ Тура), вызвавшая много подражаній въ другихъ странахъ.

Въ Россіи въ 1866 году былъ изданъ спеціальныя законъ, призванный къ жизни подобныя же учрежденія. Спустя четыре года, въ 1870 году въ Петербургѣ возникло «С.-Петербургское Общество исправительныхъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ», а въ 1871 г. этому Обществу удалось создать извѣстную «колонію малолѣтнихъ преступниковъ», находящуюся близъ Петербурга, на берегу Невы.

Эта колонія имѣетъ цѣлью принимать къ себѣ для воспитанія и исправленія малолѣтнихъ подсудимыхъ по судебнымъ приговорамъ. Но кромѣ нихъ колонія можетъ принимать также и заброшенныхъ дѣтей или тѣхъ малолѣтнихъ подсудимыхъ, которые судомъ оправданы и отпущены на свободу.

Уже изъ этого одного видно, что колонія—вовсе не тюрьма и не «очагъ наказанія», хотя въ нее и направляются осужденные преступники. Но преступники-то эти такого рода, что для нихъ прежде всего требуется не наказаніе, а хорошій трудовой режимъ и семейная обстановка. Это имъ и даетъ колонія.

Въ ней «преступники» обучаются ремесламъ и сельскому хозяйству и живутъ не такъ, какъ арестанты въ тюрьмахъ, а «семьями», тѣсными дружескими кружками вмѣстѣ со своими воспитателями. Въ такой обстановкѣ «преступный духъ» у нихъ самъ собою исчезаетъ, и изъ воровъ, буяновъ и бродягъ вырабатываются дѣльные юноши, привычныя къ труду и знающіе то или другое ремесло.

Исторія колоніи не долга и довольно проста.

«Общество земледѣльческихъ колоній», рѣшивъ создать пріютъ двойного характера—ремесленно-земледѣльческій, стало устраивать его скорѣе послѣ своего собственнаго открытія. Прежде всего, конечно, понадобились средства, и средства эти были добыты путемъ членскихъ взносов и различныхъ пожертвованій. Еще ранѣе того Обществу былъ отведенъ министерствомъ государственныхъ имуществъ участокъ земли изъ такъ-называемой Охтенской лѣсной дачи.

Участокъ этотъ былъ покрытъ густымъ лѣсомъ, и пришлось съ большимъ трудомъ и издержками выкорчевывать его, чтобы очистить нѣсколько десятинъ подъ усадьбу и огороды и провести дорогу отъ шоссе до усадьбы.

Вдоль участка протекаетъ рѣка Лупа. На высокомъ берегу этой рѣки и выбрали мѣсто для возведенія построекъ. Въ 1873 году, послѣ того, какъ лѣсъ былъ выкорчеванъ, здѣсь появились два дома для воспитанниковъ, домъ фермера, лазаретъ, кухня, баня, домъ для рабочихъ и кузница. Всѣ эти зданія были снабжены необходимой обстановкой, и были приобретены земледѣльческія орудія, скотъ, сбруя и пр.

Въ первое время въ колоніи находилось всего 13 воспитанниковъ; одни изъ нихъ предназначались для сельскохозяйственной дѣятельности, другіе для ремесленной. Постепенно были пригла-

шены и воспитатели, прискать которыхъ оказалось очень трудно, такъ какъ нужно было имѣть очень большія педагогическія способности, чтобы воспитывать маленькихъ дикарей и бродягъ и давать съ ними.

Первые годы были въ этомъ отношеніи очень тяжелы для колоніи. Число ея воспитанниковъ скорѣе увеличилось и съ 13 поднялось до 50 съ лишкомъ. Быстрый наплывъ дѣтей различныхъ характеровъ и возрастовъ (отъ 10 до 17 лѣтъ), и притомъ такихъ дѣтей, изъ которыхъ многія были уже глубоко испорчены, страшно затруднили дѣло.

Въ колоніи среди дѣтей постоянно происходили ссоры, грубыя выходки, драки. Дѣти, взятые прямо съ улицы, выказывали полнѣйшую антипатію къ своимъ воспитателямъ и другъ къ другу. Многія изъ ихъ числа ранѣе того работали на фабрикахъ по 10 часовъ въ день—и вынесли оттуда полное отвращеніе къ труду. А колонія только ради труда и существовала. Трудъ долженствовалъ быть ея главнымъ лозунгомъ.

Большинство мальчиковъ, попавшихъ въ колонію по приговору суда, были уже закоренѣлыми рецидивистами и совершали преступления не разъ и не два. Среди нихъ было немало привычныхъ воришекъ, настоящихъ специалистовъ своего рода. Борьба съ голодомъ и голодомъ рано толкнула ихъ на преступную дорогу; прогнанные или бѣжавшіе изъ родного дома, они скитались по разнымъ трупамъ, въ полѣ, подъ заборами—и поступали въ колонію въ такомъ нравственномъ состояніи, что у воспитателей буквально опускались руки.

Ложь, обманъ, хитрость, нахальство, болѣзненная раздражительность, лѣнь—вотъ съ какими свойствами имъ приходилось все время имѣть дѣло! Въ жизни, въ поступкахъ въ играхъ несчастныхъ дѣтей вѣяло какимъ-то арестантскимъ духомъ.

У этихъ ребятишекъ, взятыхъ изъ разныхъ мѣстъ, классовъ общества и даже странъ, не было ни одного такого дѣла, ни одного интереса, въ которомъ они всѣ сходились бы заодно. Въ колоніи былъ вѣчный раздоръ.

Эти обстоятельства побудили воспитателей колоніи раздѣлить воспитанниковъ на двѣ семьи: менѣе взрослыхъ и болѣе взрослыхъ. По отдѣленіи взрослыхъ дѣло пошло лучше, и начали возникать болѣе тѣсныя и искреннія отношенія между дѣтьми и преподавательскимъ персоналомъ. И только съ этого времени можно считать существованіе колоніи вполнѣ цѣлесообразнымъ и оправдывающимъ тотъ трудъ, который былъ положенъ на ее основаніе.

Мало-по-малу дикари и отщепенцы начали исправляться и выказывать честныя и хорошія свойства. Грубыя выходки случались все рѣже и рѣже и съ каждымъ разомъ встрѣчались менѣе сочувствія въ товарищеской средѣ. Перевоспитаніе оказалось не миеомъ, не теоретическимъ измышленіемъ, но благотворной дѣйствительностью.

Но, наряду съ этою нравственною побѣдой, колонія въ тѣ времена далеко еще не могла похвастать благоустройствомъ. Средства ея были въ плохомъ состояніи, и это отражалось на всемъ ея обиходѣ. Колонія иногда прямо нищенствовала.

Но потомъ дѣла ея пошли лучше. Въ 1880, 1881 и позднѣйшихъ годахъ совершенно измѣнилось положеніе воспитателей, и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпилось семейное начало въ колоніи, такъ необходимое при воспитаніи заброшенныхъ безсѣмейныхъ дѣтей.

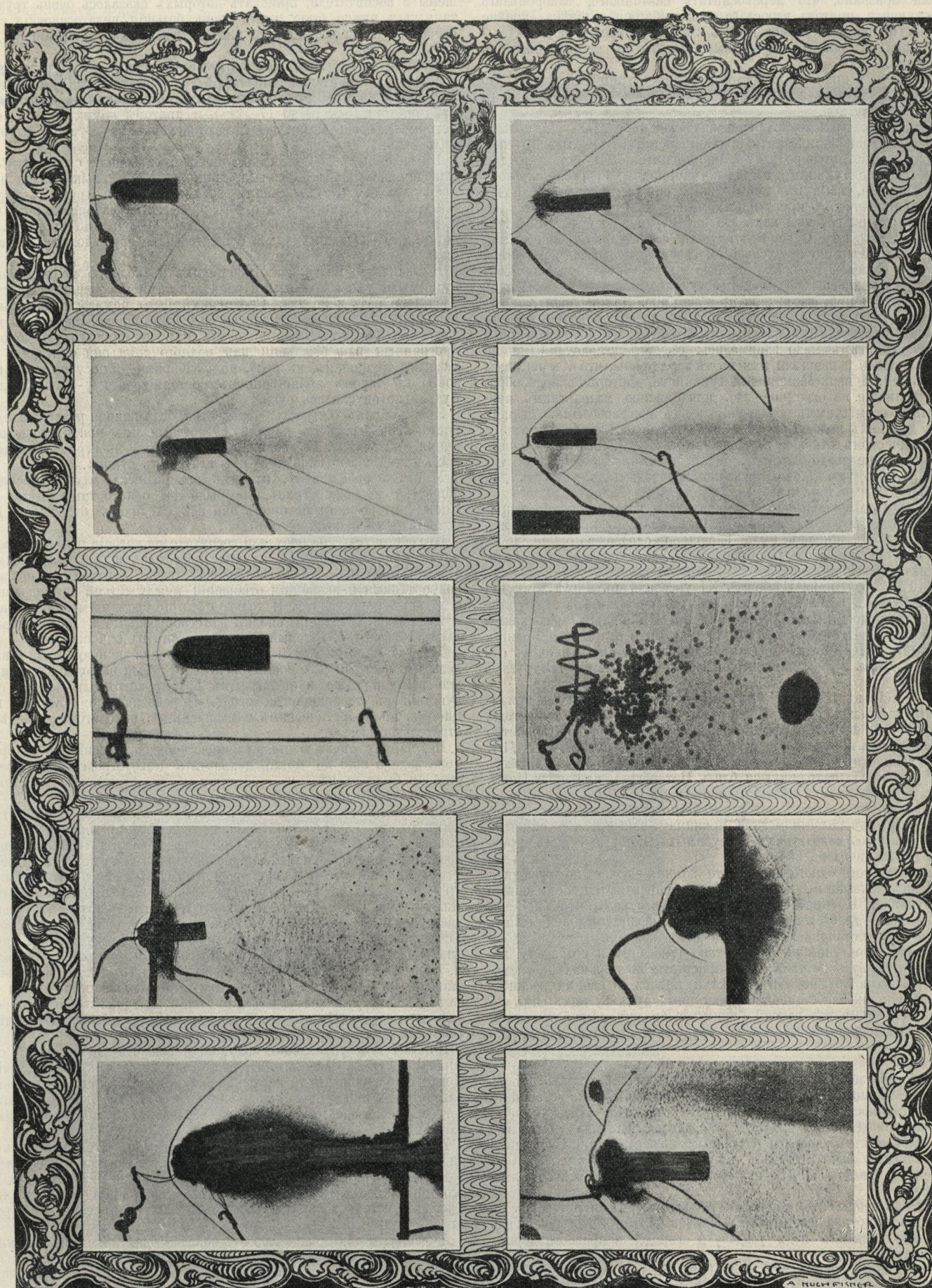
Колонія настолько поднялась на ноги въ своемъ благоустройствѣ, что стала даже выпускать въ продажу свои продукты и издѣлія. Къ этой порѣ были оборудованы и дѣйствовали уже нѣсколько мастерскихъ: слесарная, столярная, шорная, швальня и проч. Успѣшно шло и сельское хозяйство. Въ 1884 году колонія приняла участіе въ ремесленной выставкѣ въ Петербургѣ и получила за свои издѣлія бронзовую медаль. Въ 1885 году колонисты выставили въ Обществѣ Садоводства выращенныя ими овощи и изготовленные ими же садовые орудія и получили за нихъ серебряную медаль. Кромѣ этихъ двухъ выставокъ, колонія позднѣе участвовала и на другихъ.

Въ 1897 году управленіе колоніей перешло въ руки новаго ея директора, О. П. Горскаго. Подъ его руководствомъ дѣла колоніи пошли еще лучше, и въ настоящее время петербургская колонія малолѣтнихъ преступниковъ представляетъ собою вполнѣ благоустроенное заведеніе—настоящій образецъ для заведеній подобнаго типа.

Всѣ помѣщенія воспитанниковъ содержатся въ больномъ порядкѣ, теплы, свѣтлы и чисты. Воспитанники хорошо питаются и пользуются внимательнымъ медицинскимъ надзоромъ. И всякій, кто теперь посѣтитъ колонію и поговоритъ съ ея обитателями, едва ли сможетъ повѣрить, что это—бывшіе преступники, бродяги и хулиганы.

А между тѣмъ большинство ихъ попало сюда, въ колонію, именно съ такими ярлыками. Они были водворены сюда почти прямо изъ судебного засѣданія, послѣ грозныхъ рѣчей прокурора и обвинительнаго приговора суда. Несмотря на свой дѣтскій возрастъ, они получили званіе «подсудимаго», «арестанта», «преступника», и судъ приговорилъ ихъ, какъ и взрослыхъ преступниковъ, къ наказанію. Они заточили ихъ... въ колонію для малолѣтнихъ преступниковъ.

Но вотъ тамъ-то, въ этой колоніи, за предѣлами суда и произошла странная перемѣна. «Преступники» превратились въ простыхъ дѣтей, а наказаніе оказалось чѣмъ угодно, но только не наказаніемъ.

1 и 5. Пули системы Мартини-Генри, пролетающія 1.296 фут. въ секунду. 2. Пуля, летящая со скоростью 2.000 фут. въ секунду. 3. Пуля, летящая через пары эфира и карболовой кислоты. 4. Отраженіе отъ плоской поверхности воздушной волны, вызванной полетомъ пули. 6. Линіи воздушныхъ волнъ, вызываемыхъ полетомъ пули системы Шульца. 7. Пуля, пробивающая стеклянную пластинку и оставляющая за собою въ воздушныхъ волнахъ распыленные осколки стекла. 8 и 9. То же самое, но въ нѣсколько болѣе расплывчатомъ видѣ, при чемъ осколки стекла слились въ сплошную пыль. 10. Мелкія воздушныя волны, вызванныя разлетающимися во всѣ стороны осколками стекла.

Фотографированіе воздушныхъ колебаній.

«Подсудимые», правда, попали въ заточеніе. Колонія держит ихъ въ своей оградѣ; но развѣ это наказаніе? Это—пріютъ, это—училище, это—трудоваѣ семья, гдѣ упрямые лѣнныцы и своевольные бродяги скоро попадаютъ подъ общій трудовой режимъ и культивируются.

Колонисты встаютъ къ 6 часовъ утра; дѣти сами убираютъ за собой постели и около 7 часовъ собираются на общую молитву, послѣ молитвы сходятся на завтракъ, а съ 8—9 часовъ слѣдуетъ

Заговорили мы объ этомъ вотъ почему. Профессору Бойсу, послѣ долгихъ трудовъ, удалось сфотографировать то, чего ни одинъ человѣкъ никогда не видѣлъ и не разсчитывалъ видѣть. Рѣчь идетъ о воздушныхъ волнахъ, о колебаніяхъ воздуха, изъ которыхъ мы, можно сказать, никогда не выходимъ.

Добился этого блистательнаго успѣха проф. Бойсъ слѣдующимъ способомъ.

Представьте себѣ летящую пулю. Она быстрымъ движеніемъ

урокъ, съ 9½ до 12 ч.—работы. Съ 12 до 1 часу—обѣдъ, а послѣ обѣда—два часа свободнаго времени. Съ 3 до 5½ ч.—опять работа, съ 6—7 ч.—урокъ, въ 8 часовъ вечера ужинъ, а въ 10 ч. дѣти уже спать. Лѣтомъ во время сѣнокоса уроки бывають прекращены.

Къ урокамъ дѣти относятся очень хорошо, и многія изъ нихъ проявляютъ прекрасныя способности. Къ физическому труду нѣкоторые изъ вновь поступающихъ чувствуютъ иной разъ отвращеніе (особенно тѣ, кто работалъ на фабрикахъ), но потомъ общая работа втягиваетъ и ихъ.

Таково нынѣшнее состояніе этого прекраснаго учрежденія, которое спасло отъ вѣрной гибели уже не одну сотню дѣтей.

Дай Богъ, чтобы у насъ на Руси было побольше заведеній такого типа, гдѣ «преступленіе», встрѣчаясь съ «наказаніемъ», являлось бы стимуломъ возрожденія къ новой, честной и гражданской жизни.

Фотографированіе воздушныхъ колебаній.

(Съ 10 рисунк. на стр. 668).

Ни одна область прикладной техники не сдѣлала за послѣднее время такихъ успѣховъ, какъ фотография. Фотографическая пластинка сдѣлалась, можно сказать, зрѣнѣмъ любого глаза и быстрой даже молніи. Фотографическая пластинка запечатлѣваетъ такія звѣзды, которыхъ человѣчскій глазъ не способенъ уловить даже съ помощью самыхъ совершенныхъ телескоповъ. Фотографическая пластинка въ кинематографическомъ аппаратѣ улавливаетъ и различаетъ столь быстрыя смѣны картинъ, которыхъ нашъ глазъ, при самомъ совершенномъ своемъ устройствѣ и при самомъ напряженномъ вниманіи, не въ силахъ различать и расчленять. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что фотографическая пластинка является нашимъ лучшимъ вставнымъ глазомъ, различающимъ и расчленяющимъ зрительныя впечатлѣнія, недоступныя въ своей временной и пространственной членораздѣльности нашему природному глазу.

Расчистка пути.

Столкновеніе двухъ товарныхъ поѣздовъ на ст. Москва-Сокольники на Московско-Казанской ж. дор., 3-го октября с. г. Всего разбито 80 вагоновъ. По фот. А. Савельева, авт. «Нивы».

прорѣзываетъ воздухъ, вызывая въ немъ колебательныя сотрясенія или, какъ выражаются также, волнообразныя движенія. Отсюда свистъ летящей пули. Воздушныя волны, сотрясая нашу барабанную перепонку, ударяя, такъ сказать, по ея нервамъ, вызываютъ въ нашемъ умѣ особое ощущеніе, которое мы называемъ звукомъ. Волны воздуха отграничены другъ отъ друга изогнутыми плоскостями. Между двумя послѣдовательными плоскостями помѣщается такимъ образомъ слой воздуха. Этотъ слой, будучи ограниченъ какъ бы плоскостями призмы, относится къ воздуху, какъ призма, т. е. отражаетъ одни лучи и преломляетъ другіе. Отражаемые лучи отбрасываются въ ту же сторону, откуда они падаютъ, а лучи преломляемые переходятъ, конечно, на другую сторону. Ясно, что если поставить свѣтосъствительную пластинку въ плоскости, параллельной направленной летящей пули, то на пластинкѣ получится чередующіяся другъ съ другомъ свѣтлыя и темныя полосы. Свѣтлыя полосы будутъ соответствовать лучамъ, не попадающимъ на нее, т. е. отражаемымъ обратно въ сторону паденія, а темныя—лучамъ преломляемымъ, которые послѣ преломленія переходятъ въ сторону пластинки. Такъ будетъ на негативѣ; на позитивѣ, конечно, получатся обратныя отношенія.

Въ этомъ заключается сущность способа профессора Бойса. Конечно, осуществленіе его возможно было лишь благодаря примѣненію самыхъ лучшихъ приспособленій: самыхъ чувствительныхъ пластинокъ, самыхъ совершенныхъ стеколъ и т. п.

Мы здѣсь воспроизводимъ рядъ интересныхъ фотографическихъ снимковъ, иллюстрирующихъ результаты, полученные профессоромъ Бойсомъ.

Е. Л.

Указъ о крестьянскихъ вольностяхъ.

5-го октября опубликованъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, уравнивающий крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями. Указъ 5-го октября можно сравнить съ знаменитой

Временный деревянный мостъ через Введенскій каналъ на Загородномъ проспектъ, построенный комиссией безработныхъ.

Наполненіе вагонетокъ землею для подсыпки Галерной гавани.

Общественныя работы для безработныхъ въ С.-Петербургѣ. По фот. К. Булла, авт. «Нивы».

грамотой императора Петра III «о вольностях дворянских» и назвать его «указомъ о крестьянскихъ вольностяхъ».

«Великое преобразование 19 февраля 1861 г., — говоритъ указъ: — приобщивъ миллионы сельскихъ обывателей къ общегражданской жизни, положило начало постепенному уравнию крестьянъ въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ имперіи. Нынѣ, за воспослѣдованіемъ манифестовъ нашихъ отъ 6 августа и 17 октября минувшаго года, призвавшихъ сельское населеніе къ участию въ законодательствѣ, предстоитъ завершить мудрыя предначертанія Царя-Освободителя на возвышенныхъ нами началахъ гражданской свободы и равенства передъ закономъ всѣхъ русскіихъ подданныхъ. Въ этихъ цѣляхъ, наряду съ другими законодательными мѣрами, подлежатъ коренному пересмотру дѣйствующія узаконенія, опредѣляющія порядокъ устройства мѣстнаго управления и суда. Необходимые для сего законопроекты нынѣ готовятся и будутъ внесены въ Государственную Думу немедленно по созывѣ ея».

Не приводя всѣхъ статей указа буквально, мы ограничимся здѣсь изложеніемъ лишь ихъ сущности.

Указъ предоставляетъ «всѣмъ русскіимъ подданнымъ, за исключеніемъ инородцевъ», одинаковыя права на поступленіе на государственную службу, такія же, какія до сихъ поръ имѣли одни дворяне.

жительства. Вмѣстѣ съ этимъ уничтожается обязательное прикрѣпленіе крестьянъ къ мѣсту ихъ приписки.

До послѣдняго времени крестьяне не имѣли права выдавать векселя, если не владѣли недвижимымъ имуществомъ. Указъ 5 октября провозглашаетъ отмѣну этого ограниченія и предоставляетъ крестьянству полную свободу пользоваться этимъ средствомъ дешеваго кредита.

Въ прежнее время крестьяне не имѣли права участвовать во вторыхъ земскихъ избирательныхъ сѣздахъ и собраніяхъ, а избранные ими кандидаты въ земскіе гласные отъ сельскихъ обществъ утверждались губернаторомъ. Теперь крестьянамъ дается право участія въ упомянутыхъ сѣздахъ, и они могутъ сами избирать изъ своего состава своихъ гласныхъ, безъ вмѣшательства губернской власти.

Указъ 5 октября отмѣняетъ затѣмъ тѣ законы, по которымъ крестьяне могли подвергаться административнымъ (безъ суда) взысканіямъ со стороны земскихъ начальниковъ. Точно такъ же и уѣздные сѣзды теперь ограничены по отношенію къ приговорамъ крестьянскихъ общественныхъ сходовъ.

Наконецъ, указомъ 5 октября окончательно отмѣняется подушная подать, еще взимавшаяся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи,

Слева (отъ часовъ), въ заднемъ ряду: Гг. Хрусталева-Носарь, Вайнштейнъ, Голынский, Стоговъ, Комаръ, Сильвестровъ, Симановскій, Бобровъ, Петровъ, Луканинъ. Во второмъ ряду, слева: Гг. Бронштейнъ-Троцкий, Сверчковъ, Злыдневъ, Зборовскій, Кнунянцъ, Авксентьевъ.

Въ первомъ ряду, защитники, слева: Н. Д. Соколовъ, М. И. Малияновичъ, О. О. Грузенбергъ, М. С. Маргулисъ, князь Г. Д. Эрнстовъ.

Дѣло Совѣта рабочихъ депутатовъ. По фот. А. Дранкова, авт. «Нивы».

При этомъ уже нѣтъ необходимости увольняться изъ крестьянскаго сословія. То же самое при полученіи орденовъ, при производствѣ въ чины, при окончаніи курса учебныхъ заведеній, при полученіи ученыхъ степеней и званій и т. д.

При поступленіи въ учебныя заведенія отъ крестьянъ уже не требуется представленія увольнительныхъ общественныхъ приговоровъ. При поступленіи крестьянъ въ бѣлое духовенство или при постриженіи въ монашество не требуются, какъ прежде, три условія: увольненіе отъ общества, согласіе казенной палаты (!) и разрѣшеніе губернатора.

Затѣмъ въ крестьянскую жизнь вводятся слѣдующія двѣ новинки: одновременная принадлежность одного лица къ двумъ (и болѣе) сельскимъ обществамъ, и уничтоженіе сословности сельскихъ обществъ.

На практикѣ первое нововведеніе должно имѣть огромное значеніе для переселенцевъ, значительно облегчая ихъ участь.

Уничтоженіе сословности сельскихъ обществъ является логическимъ послѣдствіемъ того обстоятельства, что теперь въ сельскихъ обществахъ могутъ оставаться всѣ лица, получившія чины и «высшія права состоянія».

Чрезвычайно важною мѣрой является затѣмъ отмѣна ограничительныхъ правилъ о крестьянскихъ паспортахъ. Сколько хлопотъ, сколько мученій всегда бывало у крестьянъ съ этими паспортами!

Крестьяне въ своихъ паспортныхъ дѣлахъ уравнины со всѣми остальными русскими гражданами: они имѣютъ право получать безсрочныя паспортныя книжки въ мѣстахъ своего постоянного

и круговой порука. Отмѣняются нѣкоторыя стѣснительныя правила для семейныхъ раздѣловъ, и уничтожается наказуемость крестьянъ за нарушеніе договора найма безъ договорнаго листа и отдача крестьянъ въ заработки въ случаѣ несостоятельности по уголовнымъ и податнымъ взысканіямъ.

Какъ видно изъ изложеннаго, указъ 5 октября, собственно, не является актомъ созидающимъ. Онъ производитъ лишь предварительную чистку архаическихъ узаконеній и прочищаетъ пути для окончательной творческой дѣятельности новой Государственной Думы. Во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть въ указѣ 5 октября близкаго родства съ манифестомъ 19 февраля 1861 года и нельзя не приписать его отъ всей души. Въ немъ — вѣрный залогъ грядущаго обновленія «крестьянской Россіи», иначе говоря, всей Россіи.

В. В. Стасовъ. (Портр. на стр. 672).

10 октября скончался Владиміръ Васильевичъ Стасовъ.

Въ его лицѣ русская наука, литература и родное искусство потеряли даровитаго и энергичнаго дѣятеля. В. В. Стасовъ обладалъ крупнымъ именемъ, какъ историкъ, археологъ и, главное, какъ тонкій цѣнитель искусства и, въ связи съ этимъ, какъ выдающійся художественный критикъ и писатель по вопросамъ искусства. На протяженіи болѣе чѣмъ пятидесяти лѣтъ онъ вѣрой и правдой беззаветно служилъ искусству, горячо любя его, искренно радуясь каждому истинному проявленію его въ жизни. При всемъ этомъ покойный былъ искренній и убѣжденный націоналистъ, въ

лучшем значении этого слова, и наиболее теплые симпатии его были обращены в сторону отечественного искусства. Он страстно проповедывал его, как критик, и всеми зависшими от него мирами, со всей своей изрядной вонь выходящей энергией помогать ему завоевать подобающее место в общественной жизни.

Мы сказали, что В. В. Стасов «проповедывал»: нам кажется, что это выражение наиболее подходит для него. Он с таким энтузиазмом, с такою горячностью защищал и излагал свои мнения, что невольно напоминал собою пророка или вѣроучителя, с вдохновенным пафосом поучавшего толпу. В. В. Стасов и внешнею своею напоминал библейского пророка: огромный рост, длинная сѣдая борода, внушительный вид и могучий голос невольно наводили на это сравнение.

В. В. Стасов родился в 1824 году в Петербургѣ, воспитание получил в училищѣ Правовѣдѣнія и по окончаніи курса служил в течение нѣкоторого времени в министерствѣ юстиціи.

Литературная дѣятельность покойнаго началась в 1847 году: онъ помѣстил тогда в «Отечественныхъ Запискахъ» статью о Берлиозѣ. Такимъ образомъ уже тогда опредѣлилась дѣятельность В. В. Стасова, какъ критика и писателя по вопросамъ искусства. В то же время онъ усиленно занимался исторіей и писалъ рядъ монографій изъ жизни и эпохи императора Николая I. Эти изслѣдованія были написаны специально для императора Александра II и поступили в его личную бібліотеку.

Позднѣе В. В. Стасовъ служилъ в Императорской Публичной Библіотекѣ. Занимаясь русскою исторіей и археологіей, онъ былъ въ 60-хъ годахъ редакторомъ «Извѣстій Археологическаго Общества», а также секретаремъ этнографическаго отдѣленія Императорскаго Географическаго Музея, который онъ устроилъ в сотрудничествѣ съ В. А. Прохоровымъ.

Нельзя не отмѣтить одной чрезвычайно важной и симпатичной черты въ жизни и дѣятельности покойнаго. Онъ горячо сочувствовалъ всему новому и оригинальному въ искусствѣ, и всякое, сколько-нибудь талантливое новаторство находило въ немъ горячаго поклонника и заступника. Онъ былъ вполне свободенъ отъ великаго зла въ области критики—отъ предвзятаго рутинерства.

В. В. Стасовъ былъ другомъ и со-вѣтникомъ многихъ нашихъ композиторовъ. вмѣстѣ съ ними онъ обсуждалъ ихъ художественныя намѣренія, подробности сценарія и либретто, и хлопоталъ о постановкѣ ихъ произведеній на сцену.

Покойный писатель участвовалъ своими трудами и въ нашемъ журналѣ, помѣстивъ въ немъ обширную и крайне цѣнную для исторіи искусства статью подъ заглавіемъ: «Искусство въ XIX в.» («Нива» 1901 г. и «XIX вѣкъ», иллюстр. обзоръ минувшаго столѣтія), отд. изд.). Изслѣдованіе это обнимаетъ собою архитектуру, скульптуру, живопись и музыку.

Изъ огромнаго ряда печатныхъ трудовъ В. В. Стасова слѣдуетъ отмѣтить слѣдующее:

По археологіи и исторіи искусства: «Русскій народный элементъ», «Дуга и приличный конекъ», «Православныя церкви Западной Россіи», «Владимірскій кладъ» и т. д.

По исторіи литературы: «Происхожденіе русскихъ былинъ» (сочиненіе, вызвавшее цѣлую критическую литературу), «Древнѣйшая повѣсть въ мірѣ», «О Викторѣ Гюго».

По вопросамъ искусства наиболее видное мѣсто занимаетъ обширный трудъ В. В. Стасова «Еврейскій орнаментъ». Кромѣ того покойнымъ былъ написанъ цѣлый рядъ біографій композиторовъ и художественныхъ дѣятелей.

Сочиненія В. В. Стасова изданы отдѣльнымъ изданіемъ.

Въ лицѣ покойнаго русскій художественный міръ понесъ крупную утрату. Скончался искреннѣйшій и преданнѣйшій другъ искусства, сохранившій даже въ преклонные годы чисто юношескую пылкость и энергію, оставившій яркій слѣдъ въ исторіи русскаго искусства, во всѣхъ его областяхъ и проявленіяхъ.

На алтарь отечества. (Рис. на стр. 660).

Въ 1813 году Пруссія испытала колоссальный подъемъ народнаго патриотизма. Въ этомъ году только-что закончился печальный московскій походъ Бонапарта, и страшный бонапартовскій гнѣтъ, тяготѣвшій надъ нѣмцами, ослабѣлъ. И весной 1813 года вспыхнула германская война за освобожденіе.

Энтузиазмъ пруссаковъ не зналъ границъ. 3 и 9 февраля 1813 г. были обнародованы указы короля Фридриха-Вильгельма III о всеобщей воинской повинности, и почти вся Пруссія превратилась послѣ этого въ одинъ сплошной воинскій лагерь. Изъ 5 миллионовъ ея населенія подъ оружіе встали около 300 тысячъ людей. Особенно стремилась на войну молодежь. Дѣло дошло до того, что правительственныя коллегіи, университеты и старшіе классы гимназій буквально опустѣли. Правительство принуждено было удерживать рабочихъ, чтобы сохранить людей для мирныхъ занятій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ обильно сыпались народныя пожертвованія «на алтарь отечества». Бѣдная, разоренная Наполеономъ страна дала правительству крупныя суммы, едва только былъ кликнутъ въ этомъ смыслѣ кличъ. Въ городахъ и мѣстечкахъ разыгрывались трогательныя сцены, живо напоминавшія знаменитый нижегородскій эпизодъ изъ исторіи нашего смутнаго времени. Въ каждомъ городкѣ были учреждены особыя бюро для сбора пожертвованій, и къ этимъ нѣмецкимъ Мининымъ стекались и старъ и младъ, принося все, что имѣли хоть сколько-нибудь цѣнаго: деньги, посуду, драгоценности, оружіе, обручальныя кольца. Нѣкоторыя женщины, за неимѣніемъ ничего другого, жертвовали свои волосы.

Этотъ патристическій подъемъ, какъ извѣстно, завершился битвой при Лейпцигѣ и возстановленіемъ прусской независимости.

Картина худ. Артура Камнера изображаетъ одну изъ сценъ въ «бюро для сбора пожертвованій».

Дочь Фараона и Моисей.

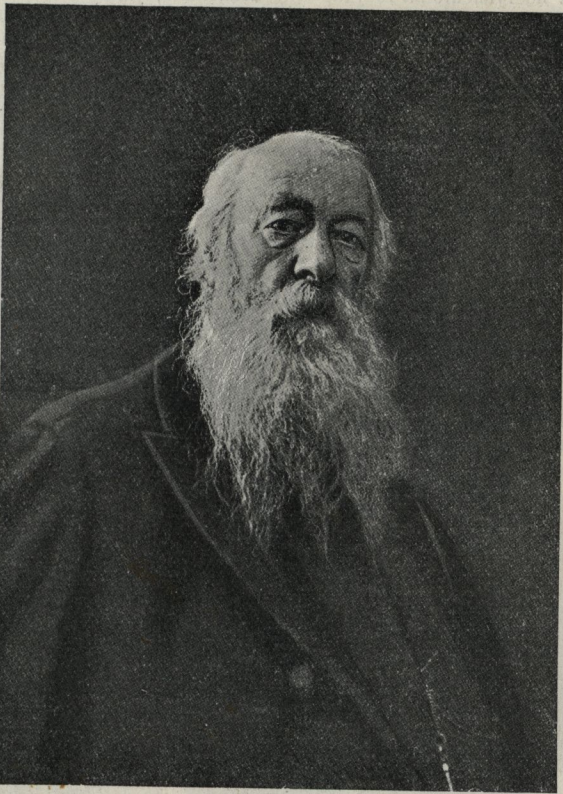
(Рис. на стр. 661).

Картина знаменитаго англійскаго художника, Альма Тадемы, воспроизводитъ извѣстную библейскую легенду о находкѣ Моисея. Сухой и скатый библейскій рассказъ ярко расцвѣченъ и оживленъ фантазіей и искусствомъ художника, и изъ рамки его картины на насъ глядитъ интересная и давно позабытая жизнь древняго Египта. Желтый, сверкающій подъ солнцемъ Нилъ плещется въ гранитныя ступени дворца. По дворцовому помосту, среди цвѣтовъ, мимо колоннъ и гранитныхъ вазъ и статуй несутъ на парадныхъ носилкахъ дочь Фараона. По обѣимъ берегамъ собрался народъ, смотритъ на царскую дочь, привѣтствуетъ ее — и вотъ тутъ-то и приносятъ ей корзину съ неизвѣстнымъ ребенкомъ, найденную въ нильскихъ камышахъ. И свѣтло улыбается царевна этой находкѣ, этому подарку боговъ, и велитъ нести ребенка за собою, чтобы приютить и воспитать его.

Поцѣлуй волны. (Рис. на стр. 664).

Среди современныхъ русскихъ скульпторовъ г. Аронсонъ пользуется крупной и вполне заслуженной извѣстностью. Его произведенія отличаются поэтичностью, благородствомъ вкуса и тонкимъ изяществомъ исполненія.

Одна изъ его позднѣйшихъ группъ—«Поцѣлуй волны»—отмѣчена всеми только-что перечисленными достоинствами. Фигура красивой молодой женщины, прильнувшей къ мраморной глыбѣ, сразу даетъ намъ представленіе о живой и измѣнчивой волнѣ, которая нѣжно лобзаетъ холодный и темный утесъ, дастся къ нему, а потомъ коварно убѣгаетъ отъ него въ толпу своихъ, такихъ же вѣтреныхъ и непостоянныхъ, подругъ. Художнику удалось съ удивительнымъ совершенствомъ передать и грубую, тяжелую неподвижность утеса, и измѣнчивую, гибкую живость волны, которая невольно чувствуется въ волнообразной линіи женскаго тѣла и въ его яркой, словно морская пѣна, близинѣ.

Владиміръ Васильевичъ Стасовъ, извѣстный писатель, художественный критикъ (+ 10 октября с. г.).

По фот. К. Булла, авт. «Нивы».

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: На нѣмецкой слободѣ. Историческая повѣсть А. Осипова. (Продолженіе).—Лилловые цвѣты. Стихотворенія. Вл. Ленскаго.—Мечта. Стихотворенія. Дмитрія Цензора.—Три друга покойницы. Рассказъ. А. Бушера.—Земледѣльская колонія малолѣтнихъ преступниковъ въ С.-Петербургѣ.—Указъ о крестьянскихъ вольностяхъ.—В. В. Стасовъ.—На алтарь отечества.—Дочь Фараона и Моисей.—Поцѣлуй волны.—Объявленія. РИСУНКИ: Усыновленіе главы Іоанна Предтечи.—На алтарь отечества.—Дочь Фараона и Моисей.—Поцѣлуй волны.—Земледѣльская колонія малолѣтнихъ преступниковъ въ С.-Петербургѣ (4 рисунка).—Фотографированіе воздушныхъ колебаній (10 рисунковъ).—Столкновеніе двухъ товарныхъ поѣздовъ на ст. Москва-Со-В. В. Стасовъ.

На этому № прилагается: «Полнаго собранія сочиненій Н. М. Станюковича» книга 8.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе А. Ф. Маркса, Измайл. просп., № 29.

Изд. А. Ф. Маркса, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

